

Трансформация принуждения при отступлении демократии: Пример Турции

Сердар Сан

A&M университет Восточного Техаса, <https://www.tamuc.edu/>

Аннотация: Хотя литература о принуждении при автократии отражает общее понимание участия институтов принуждения авторитарных режимов в политических репрессиях для сохранения власти лидера, исследований, посвящённых конкретным формам применения такого аппарата принуждения при разных режимах, крайне мало. Такие исследования могли бы пролить свет на различия в структуре институтов принуждения и причины, по которым страны используют разные организационные модели. В данном исследовании подробно рассмотрено, как правительство Эрдогана в Турции организовало аппарат внутренней безопасности для сдерживания угроз своему выживанию со стороны народа и элиты в период авторитарной трансформации страны. Выводы, основанные на переоценке правительством Эрдогана источников угроз своему выживанию и его реакции на эту изменившуюся оценку, свидетельствуют о том, что изменения в восприятии угроз авторитарными лидерами могут привести к совершенно разным организационным и практическим стратегиям принуждения для выживания режима.

Ключевые слова: Турция, принуждение, авторитаризм, выживание режима, отступление демократии, уравнивание.

Вступление

Анализ показывает, что Турция при президенте (и бывшем премьер-министре) Реджепе Тайипе Эрдогане и его Партии справедливости и развития (ПСР) скатилась от выборной демократии к конкурентному авторитарному

режиму.¹ В исследовании показано, как правительство Эрдогана структурировало аппарат внутренней безопасности для противодействия вызовам, исходящим от народа и элиты, в период отхода Турции от демократии. Результаты переоценки правительством Эрдогана источников угроз своему существованию и мер реагирования позволяют предположить, что мы можем наблюдать, или ожидать, разнонаправленный сдвиг в восприятии угроз авторитарными правителями – от риска переворота к угрозам со стороны народа, и наоборот. Такие сдвиги могут привести к изменению подходов к организации и применению мер принуждения для выживания режима.

Восприятие угроз правительству Эрдогана, сформированное кемалистским истеблишментом (т.е. военными и судебными органами), общенациональными антиправительственными протестами в парке Гези в 2013 году, расследованием коррупции, начатым полицией в декабре 2013 года против ряда лиц, близких к правительству ПСР, и попыткой военного переворота в июле 2016 года, оказали глубокое влияние на организацию полиции и внутренней безопасности в Турции за последние 20 лет.

После 2011 года угроза военного переворота снизилась благодаря политической делегитимации, а затем и криминализации вмешательства военных в политику, особенно после протестов в парке Гези в 2013 году.² Соответственно, восприятие угрозы правительством Эрдогана в значительной степени сместилось с военного переворота на растущую социальную и политическую оппозицию, которую оно стало рассматривать как более значимую угрозу своему политическому выживанию. В ответ на это правительство ПСР наделило Турецкую национальную полицию (ТНП) полномочиями подавлять растущее сопротивление гражданского общества и рядовых граждан авторитарным действиям правительства. Эти меры затем подкрепило принятие драконовского Закона о внутренней безопасности, существенно расширившего полномочия полиции.³

¹ Antonino Castaldo, "Populism and Competitive Authoritarianism in Turkey," *Southeast European and Black Sea Studies* 18, no. 4 (2018): 467-487, <https://doi.org/10.1080/14683857.2018.1550948>; Berk Esen, Sebnem Gumuscu, "Rising Competitive Authoritarianism in Turkey," *Third World Quarterly* 37, no. 9 (2016): 1581-1606, <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1135732>; Berk Esen, Sebnem Gumuscu, "Why Did Turkish Democracy Collapse? A Political Economy Account of AKP's Authoritarianism," *Party Politics* 27, no. 6 (2021): 1075-1091, <https://doi.org/10.1177/1354068820923722>.

² Esen, Gumuscu, "Rising Competitive Authoritarianism," 1584-1585; Betül Ekşi, "Police and Masculinities in Transition in Turkey: From Macho to Reformed to Militarized Policing," *Men and Masculinities* 22, no. 3 (August 2019): 491-515, <https://doi.org/10.1177/1097184X18768377>.

³ "Turkey: Parliament Approves Domestic Security Package," *Middle East Eye*, March 27, 2015, <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-parliament-approves-domestic-security-package>.

После расследования коррупции в отношении министров в 2013 году представление ПСР и Эрдогана об угрозах сосредоточилось на сочетании угроз со стороны элиты и народа. Этот сдвиг отразился в последующих мерах, описанных ниже. Попытка военного переворота в июле 2016 года, переключившая внимание правительства Эрдогана преимущественно на угрозы со стороны элиты, привела к созданию более фрагментированного аппарата внутренней безопасности, нацеленного на решение потенциальных проблем лояльности формальных институтов принуждения.

В следующем разделе статьи представлен краткий обзор исследований авторитарного принуждения. Далее в статье рассмотрены основные вехи сползания Турции к конкурентному авторитарному режиму – процесса, сформировавшего меняющееся восприятие угроз правительством Эрдогана. Это восприятие, в свою очередь, повлияло на оргструктуру и применение инструментов принуждения в Турции. В заключительном разделе резюмируются результаты исследования и обобщается его вклад в существующую литературу.

Исследования принуждения при авторитаризме

Принуждение – определяющая черта государства.⁴ Ряд учёных считает, что при авторитарном режиме «главная функция институтов принуждения и применения принуждения заключается в сохранении власти лидера».⁵ В противоположность этому, в демократических государствах принуждение применяется в первую очередь для защиты граждан от преступности и насилия; оно осуществляется в соответствии с принципом верховенства права и официально подлежит серьёзному контролю извне.⁶ Структуру и организацию аппарата принуждения при авторитарном режиме определяет характер угроз правителю.⁷ Предыдущие исследования показали, что авторитарные деятели, в первую очередь озабоченные своим политическим выживанием, организуют свой аппарат принуждения и применяют принуждение для достижения одной из двух целей: подавления сопротивления внутренних оппозиционных групп или защиты от потенциальных угроз «переворота» со стороны органов безопасности и разведки.⁸

⁴ Charles Tilly, *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1992* (Cambridge, MA: Blackwell, 1992).

⁵ Yanilda María González, *Authoritarian Police in Democracy: Contested Security in Latin America* (Cambridge University Press, October 2020), 13, <https://doi.org/10.1017/9781108907330>; Sheena Chestnut Greitens, *Dictators and Their Secret Police: Coercive Institutions and State Violence* (Cambridge University Press, August 2016), <https://doi.org/10.1017/CBO9781316489031>; Pablo Policzer, *The Rise and Fall of Repression in Chile* (University of Notre Dame Press, February 2009).

⁶ González, *Authoritarian Police in Democracy*, 11-12.

⁷ Greitens, *Dictators and Their Secret Police*.

⁸ González, *Authoritarian Police in Democracy*, 13; Greitens, *Dictators and Their Secret Police*; Policzer, *Rise and Fall of Repression in Chile*.

В сравнительном исследовании Тайваня, Филиппин и Южной Кореи Шина Грейтенс предлагает убедительную теоретическую основу для лучшего понимания структуры институтов принуждения при авторитарных режимах и влияния этой структуры на модель государственных репрессий и насилия.⁹ Она отмечает, что авторитарные правители сталкиваются с двумя основными угрозами своему политическому и физическому выживанию: угрозами со стороны населения (народные беспорядки) и угрозами со стороны элит, особенно аппарата принуждения.

Грейтенс утверждает, что хотя большинство автократов постоянно ощущают сочетание этих угроз, при организации аппарата принуждения они сталкиваются с «дилеммой принуждения». В таких случаях авторитарным режимам приходится выбирать между борьбой с угрозами со стороны народа и борьбой с угрозами со стороны правящих элит – этот выбор подразумевает фундаментальный организационный компромисс между снижением риска народного свержения и защитой от угрозы переворота со стороны элит.

Она поясняет, что поскольку защита от переворотов требует фрагментированных и социально эксклюзивных институтов принуждения, а решение проблемы народных беспорядков – более унитарных и инклюзивных, авторитарные лидеры не могут одновременно максимизировать защиту от обоих типов угроз. Грейтенс утверждает, что авторитарные правители, сталкивающиеся с этой дилеммой принуждения, строят свой аппарат принуждения на основе доминирующего восприятия угрозы на момент прихода к власти. Диктаторы, отдающие приоритет угрозе переворота, вероятно, создадут фрагментированный и социально эксклюзивный аппарат безопасности, а автократы, обеспокоенные риском народных беспорядков, более склонны создавать социально инклюзивные и унитарные органы принуждения.

Фрагментация, определяемая как наличие множества организаций с пересекающимися или дублирующими функциями внутренней безопасности без общей координации, служит для предотвращения сговора между этими органами и не позволяет ни одному из них накопить достаточно сил, чтобы организовать переворот против правителя.¹⁰

В связи с этим были проведены широкие исследования так называемого уравнивания. Уравнивание подразумевает разделение государственных полномочий принуждения между несколькими конкурирующими службами безопасности для защиты от угроз со стороны соперников внутри режима или от переворота.¹¹ Эти исследования показывают, что появление

⁹ Greitens, *Dictators and Their Secret Police*.

¹⁰ Greitens, *Dictators and Their Secret Police*.

¹¹ Erica De Bruin, "Counterbalancing and Coups d'État," *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, November 19, 2020, <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.1871>; Heather Martin, "Coup-Proofing and Beyond: The Regime-Survival

новых структур безопасности с дублирующими функциями, наряду с существующими институтами, не является универсальной, или типичной чертой всех авторитарных режимов. Современные концепции уравнивания различают тактику противодействия переворотам, известную как «разделяй и властвуй», или «баланс внутри», которая предполагает противодействие различным фракциям внутри аппарата безопасности, и тактику, именуемую «расширением поля», или «балансом снаружи», которая предполагает создание новых подразделений существующих органов безопасности или формирование совершенно новых сил безопасности вне существующих институтов.¹²

Реорганизация принуждения в Турции при откате демократии

Когда ПСР в 2002 году пришла к власти, в Турции была выборная демократия. Несмотря на влияние светского кемалистского истеблишмента (т.е. судебной системы и армии) на политику и общество в стране, мешавшее укреплению демократии, Турция провела свободные и справедливые выборы с в основном равным политическим игровым полем и одинаковым доступом к ресурсам для политических партий.¹³ Более того, первые годы своего правления ПСР создали обнадеживающую среду для политических прав и гражданских свобод в Турции, благодаря сужению прерогатив турецких военных во внутренней политике посредством организационных реформ, а также реализации политических и правовых реформ в рамках заявки страны на членство в ЕС.¹⁴ Однако отказ от опеки военных и продвигаемые ЕС реформы не привели к укреплению демократии. Вместо этого Турция пережила постепенный откат от выборной демократии к «конкурентному» авторитарному режиму.¹⁵

Strategies of Hugo Chávez,” *Latin American Policy* 8, no. 2 (December 2017): 249-262, <https://doi.org/10.1111/lamp.12130>.

¹² Tobias Böhmelt, Ulrich Pilster, “The Impact of Institutional Coup-Proofing on Coup Attempts and Coup Outcomes,” *International Interactions* 41, no. 1 (2015): 158-182, <https://doi.org/10.1080/03050629.2014.906411>; Erica De Bruin, “Preventing Coups d’État: How Counterbalancing Works,” *Journal of Conflict Resolution* 62, no. 7 (August 2018): 1433-1458, <https://doi.org/10.1177/0022002717692652>; Abel Escribà-Folch, Tobias Böhmelt, Ulrich Pilster, “Authoritarian Regimes and Civil-Military Relations: Explaining Counterbalancing in Autocracies,” *Conflict Management and Peace Science* 37, no. 5 (September 2020): 559-579, <https://doi.org/10.1177/0738894219836285>.

¹³ Esen, Gumuscu, “Why Did Turkish Democracy Collapse?” 1077.

¹⁴ Leila Piran, *Institutional Change in Turkey: The Impact of European Union Reforms on Human Rights and Policing* (Palgrave Macmillan, 2013); Esen, Gumuscu, “Rising Competitive Authoritarianism,” 1584.

¹⁵ Левицкий и Уэй ввели термин «конкурентный авторитаризм». Эти режимы конкурентны, поскольку силы оппозиции используют демократические институты для серьёзной борьбы за власть. Однако они не являются демократическими, поскольку электоральное поле сильно искажено в пользу действующих лиц, что ведёт к реальной, но нечестной конкуренции. Steven Levitsky and Lucan A. Way,

Откат демократии «означает ослабление или ликвидацию государством любого из политических институтов, поддерживающих существующую демократию».¹⁶ Откат демократии обычно включает эрозию (1) организационных (законодательных и судебных) сдержек и противовесов, (2) политических и гражданских прав, и (3) конкурентных выборов.¹⁷ По мнению Бермео, откат демократии может привести к полному краху демократии и «режимам, которые однозначно являются авторитарными», или к серьёзному ослаблению демократических институтов, ведя к установлению политических режимов, которые можно назвать условно демократическими или гибридными.¹⁸

В настоящее время откат демократии чаще происходит в результате укрепления свободно избранной исполнительной власти.¹⁹ Укрепление исполнительной власти «происходит, когда избранные руководители постепенно ослабляют надзор за исполнительной властью, проводя ряд организационных изменений, ограничивающих способность оппозиции подвергать сомнению решения исполнительной власти».²⁰

В этом отношении Турция даёт наглядный пример отступления демократии именно путём усиления исполнительной власти. Правительство ПСР провело противоречивые правовые реформы, усилившие контроль исполнительной власти над судебной. Партия также использовала данные выборами полномочия для укрепления контроля над такими важными государственными институтами, как Высший избирательный совет Турции и государственная телерадиокомпания «Турецкое радио и телевидение» (TRT), и получила фактический контроль над большинством ведущих СМИ.²¹

Таким образом, выборы, особенно с 2011 года, по-прежнему проводятся, но эти процессы усилили политизацию государственных институтов и ограничили доступ к СМИ и финансам. Это не только изменило электоральное поле не в пользу оппозиции, но и подорвало честность выборов.²² В последние 10 лет в Турции наблюдается резкое снижение ряда показателей

Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War (Cambridge University Press, June 2012), <https://doi.org/10.1017/CBO9780511781353>.

¹⁶ Nancy Bermeo, "On Democratic Backsliding," *Journal of Democracy* 27, no. 1 (January 2016): 5-19, 5, <https://doi.org/10.1353/jod.2016.0012>.

¹⁷ Adam Przeworski, *Crises of Democracy* (Cambridge University Press, September 2019), 172, <https://doi.org/10.1017/9781108671019>.

¹⁸ Bermeo, "On Democratic Backsliding," 6.

¹⁹ Bermeo, "On Democratic Backsliding," 10.

²⁰ Bermeo, "On Democratic Backsliding," 10.

²¹ Serdar San, Davut Akca, "How Turkey's Democratic Backsliding Compromises the International Dimension of Democratization," *Digest of Middle East Studies* 30, no. 1 (2021): 34-52, 39, <https://doi.org/10.1111/dome.12223>.

²² Esen, Gumuscu, "Rising Competitive Authoritarianism," 1587.

эффективности демократии, и некоторые учёные даже считают, что откат демократии там достиг точки её разрушения.²³

2007-2011: Обуздание военных и первые признаки отступления демократии

В период сползания Турции к конкурентному авторитарному режиму также произошёл ряд изменений, критические повлиявших на структуру и функционирование институтов принуждения. Так, после прихода к власти в 2002 году Партия справедливости и развития Эрдогана столкнулась с необходимостью противостоять угрозам своей власти со стороны как военных, так и внутренних оппозиционных групп. В результате усилилось влияние исполнительной власти на ряд институтов. Вмешательство Эрдогана и его Партии справедливости и развития в деятельность судебной системы и полиции началось ещё на втором сроке партии у власти (2007–2011). В первые годы действующие власти использовали суды и полицию, тогда находившиеся под сильным влиянием гюленистов,²⁴ для преследования курдских националистов, левых организаций, и особенно ультрасекуляристов в армии, обвинённых в заговоре с целью дестабилизации или свержения правительства ПСР.²⁵ В тот период, особенно после ослабления политического влияния в связи с переговорами о вступлении в ЕС, что ранее помогало защитить ПСР от опеки военных, правящая партия всё больше использовала информационные и правоохранные возможности Турецкой национальной полиции (ТНП) для противодействия потенциальной угрозе государственного переворота со стороны военных.

Полиция следила за светскими деятелями в армии и подавляла их, что вылилось в судебные процессы по делам «Эргенекон» и «Кувалда» («Балёз»). Судебные процессы по делу «Эргенекон» положили конец решающей роли военных в турецкой политике, но одновременно подорвали независимость судебной системы.²⁶ Усиление влияния исполнительной власти

²³ Ryo Nakai, "The Democratic Backsliding Paradigm in Enlarged European Union Countries: In-Depth Analysis of V-Dem Indicators," *Frontiers in Political Science* 4 (2023): 9, <https://doi.org/10.3389/fpos.2022.966472>; Esen, Gumuscu, "Why Did Turkish Democracy Collapse?" 1077.

²⁴ Движение гюленистов, основанное ныне покойным турецким исламским проповедником Фетхуллахом Гюленом, ранее было союзником Эрдогана, поддерживая ПСР в её противостоянии с секуляристским истеблишментом. Однако после 2010 года позиция движения разошлась с позицией ПСР по ряду политических вопросов. Расследование полицией коррупции в правительстве в конце 2013 года ускорило раскол, побудив Эрдогана начать массовую чистку госаппарата от гюленистов.

²⁵ Esen, Gumuscu, "Rising Competitive Authoritarianism," 1585; Esen, Gumuscu, "Why Did Turkish Democracy Collapse?" 1077.

²⁶ Esen, Gumuscu, "Rising Competitive Authoritarianism," 1585.

на судебную систему продолжилось, когда правительство ПСР провело конституционный референдум 2010 года, позволивший реорганизовать Конституционный суд и Высший совет судей и прокуроров.²⁷

Победа на выборах 2011 г. – протесты в парке Гези 2013 г.: рост народного недовольства

Отступление демократии в Турции ускорилось с началом третьего срока правления ПСР в 2011 году. Угроза политическому выживанию правительства Эрдогана со стороны военных отошла на второй план, благодаря политической делегитимации и последующей криминализации вмешательства военных в политику. После 2011 года ПСР усилила свои позиции среди избирателей, получив почти 50 % голосов на всеобщих выборах. В то время Эрдоган занял более силовую, антиплюралистическую позицию. Некоторые ученые утверждают, что укрепление электорального мандата ПСР и растущий антиплюрализм Эрдогана позволили ему представить противников его политики врагами «воли народа». Эти настроения, проявившиеся на выборах, привели к ещё большей концентрации власти в руках Эрдогана, захвату важнейших государственных институтов, которые утратили способность сдерживать исполнительную власть и всё чаще использовались против оппозиции, а также к эксплуатации партией государственных ресурсов.²⁸ В силу этих процессов Турция с 2011 года стала соответствовать трём определяющим критериям конкурентного авторитаризма: свободные, но несправедливые выборы, нарушения гражданских свобод, и неравенство на выборах.²⁹

Растущее недовольство общества и критика авторитарных взглядов правительства ПСР достигли кульминации во время антиправительственных протестов в парке Гези в мае 2013 года. Первоначально протесты начались как реакция на насилие полиции в отношении мирных демонстрантов, протестовавших против правительственных планов застройки парка Гези в Стамбуле. Однако экологическая проблема быстро переросла в более широкую волну антиправительственных демонстраций, в ходе которых протестующие выдвигали широкий спектр требований, связанных со свободой прессы и выражения, правами и свободами личности, а также общей авторитарной политикой правительства ПСР.

Протесты в парке Гези сместили внимание и восприятие угрозы Эрдоганом и его ПСР с государственных институтов (то есть армии) на народ, поскольку правящая партия увидела во внутренних оппозиционных группах

²⁷ Hakkı Taş, "Turkey – from Tutelary to Delegative Democracy," *Third World Quarterly* 36, no. 4 (2015): 776-791, 781, <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1024450>.

²⁸ Castaldo, "Populism and Competitive Authoritarianism," 479;

²⁹ Castaldo, "Populism and Competitive Authoritarianism," 479; Esen, Gumuscu, "Rising Competitive Authoritarianism," 1585.

серьёзную угрозу своим целям «новой Турции».³⁰ В ответ на народное недовольство правительство ПСР применило полицию для подавления сопротивления гражданского общества и рядовых граждан. Эти действия позже поддержал Закон о внутренней безопасности 2015 года, предоставивший полиции ряд спорных полномочий.³¹

Одним из главных организационных механизмов подавления народных волнений после протестов в парке Гези стала растущая милитаризация полиции. Так, за 20 лет после терактов 11 сентября произошло стремительное стирание различий между полицией и армией, правоохранительной деятельностью и военными действиями, а также внутренней и внешней безопасностью во всем мире. Краска выделяет отдельные тенденции развития и превращения в норму военизированных подразделений полиции (например, спецназа), созданных по образцу элитных армейских спецподразделений, и растущую готовность полиции использовать военные методы при разработке политики борьбы с преступностью, наркотиками и терроризмом.³²

Опыт Турции отражает эти мировые тенденции. Парадоксально, но Эрдоган, будучи сторонником демилитаризации политики, всё больше полагался на расширение применения военизированной полиции для борьбы с растущим сопротивлением своему авторитаризму.

До и после протестов в парке Гези подразделения национальной полиции по борьбе с беспорядками получили большое количество нелетального оружия, включая травматическое оружие, гранаты со слезоточивым газом и водомёты.³³ Турция три года подряд, с 2012 по 2014 год, была крупнейшим в мире потребителем слезоточивого газа.³⁴

Признаки милитаризации турецкой полиции не ограничивались использованием военной техники. Полицейские отряды спецназначения (Polis Özel Harekat Timleri) стали наиболее наглядным примером влияния военной модели на гражданскую полицию в Турции. Правительство ПСР существенно увеличило штатную численность этих военизированных подразделений полиции в период укрепления авторитаризма после 2013 года. Так, в 2015 году было набрано 5 000 новых сотрудников отрядов специального

³⁰ Suat Cubukcu, "The Rise of Paramilitary Groups in Turkey," *Small Wars Journal*, March 3, 2018, <https://archive.smallwarsjournal.com/jrnl/art/rise-paramilitary-groups-turkey>; Taş, "Turkey – from Tutelary to Delegative Democracy," 783.

³¹ Middle East Eye, "Turkey: Parliament Approves Domestic Security Package."

³² Peter B. Kraska, "Militarization and Policing – Its Relevance to 21st Century Police," *Policing* 1, no. 4 (2007): 501-513, <https://doi.org/10.1093/police/pam065>.

³³ Kivanç Atak, "Encouraging Coercive Control: Militarisation and Classical Crowd Theory in Turkish Protest Policing," *Policing and Society* 27, no. 7 (2017): 693-711, <https://doi.org/10.1080/10439463.2015.1040796>.

³⁴ Koray Çalışkan, "Toward a New Political Regime in Turkey: From Competitive toward full Authoritarianism," *New Perspectives on Turkey* 58 (May 2018): 5-33, 19, <https://doi.org/10.1017/npt.2018.10>.

назначения – намного больше, чем в предыдущие годы.³⁵ А главное, эти отряды регулярно использовали для упреждающих рейдов против инакомыслящих, включая гюленистов, курдских политических активистов, журналистов, исследователей и гражданское общество.³⁶

От расследований коррупции в 2013-м до попытки государственного переворота в 2016-м: смешанная картина угроз

Другим ключевым моментом реорганизации системы принуждения в период укрепления авторитаризма в Турции стало расследование коррупции в 2013 году, предположительно организованное группой полицейских и прокуроров-гюленистов с целью устранения Эрдогана и его Партии справедливости и развития (ПСР) от власти. Правительство ПСР и ТНП взаимодействовали, чтобы устранить опеку военных и маргинализировать оппозиционные группы после протестов в парке Гези в 2013 году. Однако расследования коррупции в правительстве, которые Эрдоган назвал попыткой переворота, организованной гюленистами в полиции и судебной системе, поставили Эрдогана и его Партию справедливости и развития на грань крупнейшего политического кризиса за 11 лет у власти. Эрдоган ответил на этот кризис дальнейшим усилением исполнительной власти. Проведя ряд организационных изменений в высшей судебной системе, средствах массовой информации, а также внутренней безопасности и национальной разведке, правительство ПСР успешно ослабило институциональные сдержки и противовесы, установив широкий контроль над этими структурами.³⁷

Как считают специалисты по делам полиции, являющейся мощной бюрократической структурой принуждения, которую политики могут избирательно использовать в своих политических целях, «путём действий или бездействия полиция может создавать политически некомфортные ситуации для избранных должностных лиц».³⁸ Правительство ПСР отреагировало на кризис в элите, вызванный расследованием коррупции, в первую очередь чисткой или ротацией предполагаемых гюленистов в ТНП. Полицейские, участвовавшие в расследовании коррупции, были сначала уволены со своих должностей, затем арестованы и обвинены в заговоре с целью свержения правительства. Других подозреваемых в противодействии ПСР, особенно в таких важных подразделениях, как разведка, борьба с терроризмом и орг-

³⁵ Betül Ekşi, "Masculinities of the State: The Prime Minister and the Police in Turkey," PhD diss. (Boston, MA: Northeastern University, December 2015), <http://hdl.handle.net/2047/D20199663>.

³⁶ "Ankara'da Gülen cemaatine 'ağır otomatik silahlarla' operasyon: 15 gözetli kararı," *Kronos*, 29 Eylül 2020, <https://kronos38.news/ankarada-gulen-cemaatine-agir-otomatik-silahlarla-operasyon-15-gozalti-karari/>.

³⁷ Özlem Kaygusuz, "Authoritarian Neoliberalism and Regime Security in Turkey: Moving to an 'Exceptional State' under AKP," *South European Society and Politics* 23, no. 2 (2018): 281-302, 293, <https://doi.org/10.1080/13608746.2018.1480332>.

³⁸ González, *Authoritarian Police in Democracy*, 19.

преступностью, переводили на менее важные или малозаметные должности. За три месяца после расследований коррупции в декабре 2013 года было уволено около 8 000 полицейских.³⁹ Уволенных заменили людьми, известными своими ястребиными, ультранационалистическими и антидемократическими взглядами, включая некоторых офицеров, которые ранее были понижены по дисциплинарным и другим причинам. Таким образом правительство ПСР пыталось «сбалансировать изнутри», то есть уравновесить гюленистские группировки в полиции своими сторонниками.

В ответ на расследования правительство также приняло в феврале 2014 года закон, предоставивший министру юстиции право назначать главу Инспекционной комиссии Высшего совета судей и прокуроров (HSYK), фактически позволив правительству монопольно решать вопрос о том, совершил ли тот или иной судья или прокурор правонарушение.⁴⁰

В рамках реорганизации внутренней безопасности, проводимой ПСР после расследований коррупции, правительство также стремилось расширить полномочия Национальной разведывательной организации (Milli İstihbarat Teşkilatı, MİT) в отношении полиции и армии.⁴¹ Действительно, MİT известна как учреждение, которому Эрдоган уделял наибольшее внимание в государственном аппарате, особенно после назначения заместителем министра Хакана Фидана, который сейчас стал министром иностранных дел и близким союзником Эрдогана.

Закон о внесении изменений в Закон о государственных разведывательных службах и Национальном разведывательном агентстве, принятый 17 апреля 2014 года, расширил полномочия и правовую защиту директора MİT.⁴² Этот закон нанес серьезный удар по судам, «предоставив Национальной разведывательной организации (руководителя которой назначает президент) право собирать «всю информацию, документы или данные у любого субъекта в Турции» без необходимости получения судебного разрешения или судебного надзора».⁴³

Депутаты от оппозиции отреагировали на эти изменения, заявив, что Турция превращается в «государство разведки», наподобие режима БААС в Сирии, с созданием администрации под контролем национального разведывательного агентства, а значит, Эрдогана.⁴⁴

Дальнейшие переговоры турецких властей с курдскими повстанцами (так называемый «Мирный процесс», «Çözüm Süreci») сорвались после того, как ПСР потеряла парламентское большинство на всеобщих выборах в июне

³⁹ Hikmet Çiçek, "Poliste F tipi tasfiye bütün hızıyla sürüyor," *Aydınlık*, 07 Mart 2014, www.aydinlik.com.tr/koseyazisi/poliste-f-tipi-tasfiye-butun-hiziyla-suruyor-6614.

⁴⁰ Kaygusuz, "Authoritarian Neoliberalism and Regime Security in Turkey," 293.

⁴¹ Kaygusuz, "Authoritarian Neoliberalism and Regime Security in Turkey," 294.

⁴² Taş, "Turkey – from Tutelary to Delegative Democracy," 784.

⁴³ Bermeo, "On Democratic Backsliding," 11.

⁴⁴ Yıldız Yazıcıoğlu, "Türkiye’de ‘İstihbarat Devleti’ Tartışması", *VOA Türkçe*, 24 Şubat 2014, www.voaturkce.com/a/turkiyede-istihbarat-devleti-tartismasi/1858320.html.

2015 года. На этих выборах прокурдская Партия народной демократии вошла в турецкий парламент на волне критики движения Эрдогана к президентской системе. После срыва переговоров давняя курдская проблема вновь милитаризовалась, и в населённых курдами районах и городах юго-востока Турции вспыхнули ожесточенные вооруженные столкновения между турецкими силами безопасности и РПК.

В этой политической обстановке, особенно после возвращения ПСР к власти на повторных выборах в ноябре 2015 года с 49,5 % голосов избирателей, правящая партия и тогдашний премьер-министр Эрдоган реализовали более тонкую и сложную стратегию подавления народных протестов против укрепления его режима. Эрдоган и элита ПСР заменили дискурс секьюритизации, или «заговора с целью государственного переворота», задуманный, чтобы представить оппозиционные группы в стране внутренними элементами организованной на международном уровне попытки государственного переворота с целью отстранения партии от власти, на криминализацию политической оппозиции под предлогом «борьбы с терроризмом».⁴⁵

Эта стратегия подкреплялась ежедневными полицейскими операциями против исследователей, интеллектуалов, оппозиционных политиков и правозащитников.⁴⁶ По словам Йылмаза, этот подход опирался на «стратегию точного соблюдения закона», с помощью которой правительство ПСР стремилось подавить оппозицию и сдерживать оппонентов, одновременно создавая видимость легитимности власти и посылая чёткий сигнал другим потенциальным инакомыслящим, что они тоже не избежат ответственности.⁴⁷

После попытки переворота в июле 2016 года

В этих всё более авторитарных политических условиях в Турции 15 июля 2016 года произошла неудачная попытка государственного переворота, предположительно организованная группой армейских офицеров, связанных с гюленистами.⁴⁸ 250 человек было убито, более 2 000 ранены при подавлении восстания верными властям силами безопасности на следующий день.

Неудачная попытка переворота в июле 2016 года изменила восприятие угрозы Эрдоганом и его партией ПСР с комбинации угроз со стороны народа и элиты на исходящую преимущественно от элиты. В то время как демокра-

⁴⁵ Kaygusuz, "Authoritarian Neoliberalism and Regime Security in Turkey," 296.

⁴⁶ Zafer Yılmaz, "Turkey's Regime Transformation and Its Emerging Police State: The Judicialization of Politics, Everyday Emergency, and Marginalizing Citizenship," в *The Condition of Democracy: Vol. 2: Contesting Citizenship*, ed. Juergen Mackert, Hannah Wolf, Bryan S. Turner (Routledge, 2021), 166-183.

⁴⁷ Yılmaz, "Turkey's Regime Transformation and Its Emerging Police State," 170.

⁴⁸ Berk Esen, Sebnem Gumuscu, "Turkey: How the Coup Failed," *Journal of Democracy* 28, no. 1 (January 2017): 59-73, 61, <https://www.journalofdemocracy.org/articles/turkey-how-the-coup-failed/>.

тическую оппозицию и курдское политическое движение, ранее считавшиеся серьёзной угрозой политике ПСР, сдерживали антитеррористические операции, политические судебные процессы и регулярные репрессии против оппозиции, более серьёзной угрозой для правительства Эрдогана оставались проблемы, исходящие от аппарата безопасности (т.е. полиции и армии).

Вскоре после попытки переворота правящая партия предприняла серьёзные меры по реорганизации системы внутренней безопасности, что позволило ей взять под контроль и предотвратить потенциальные вызовы своей власти со стороны элиты. Правительство ПСР усилило контроль над официальными органами безопасности, в первую очередь, с помощью указов (*Kanun Hükmünde Kararname*), изданных после официального объявления чрезвычайного положения 20 июля 2016 года. Эти указы привели к массовым чисткам кадров полиции и других силовых структур, сочтённых нелояльными.⁴⁹ При этом попытки Эрдогана обеспечить управляемость и лояльность полиции оказали на неё драматическое влияние: после попытки переворота было уволено более 30 000 сотрудников правоохранительных органов.⁵⁰

После массовых чисток правительство ПСР инициировало быстрый набор и перетасовки кадров в аппарате безопасности, по всей видимости, во многом руководствуясь политической лояльностью. Как отмечает Айс-сенштат, «правительство ПСР пыталось обеспечить ‘защиту’ этих ведомств от переворотов, назначая на освободившиеся должности кандидатов из числа своих сторонников и ситуативных союзников, в частности, правых ультранационалистов».⁵¹ По мнению Джингераса, это явление, по-видимому, отражает формирование политического альянса ПСР с крайне правой Националистической партией действия (*Milliyetçi Hareket Partisi*, МНП), который Эрдоган создал после неудачи ПСР на парламентских выборах в ноябре 2015 года.⁵² В связи с этим в ТНП были оперативно набраны десятки тысяч новых сотрудников взамен уволенных.

После попытки переворота 15 июля, помимо комплектования официальных служб безопасности политически лояльными кадрами (или уравнивания внутри них для решения проблем безопасности из-за возможных

⁴⁹ Howard Eissenstat, “Uneasy Rests the Crown: Erdoğan and ‘Revolutionary Security’ in Turkey,” Snapshot, Project on Middle East Democracy (POMED), December 2017, https://mideastdc.org/wp-content/uploads/2017/12/Eissenstat_171220_FINAL.pdf.

⁵⁰ Muhammed Boztepe, “İçişleri Bakanı Soylu: 17-25 Aralık ve 15 Temmuz sonrası KHK ile 33 bin kişi ihraç edildi”, *Anadolu Ajansı*, 23.09.2019, <https://www.aa.com.tr/tr/politika/icisleri-bakani-soylu-17-25-aralik-ve-15-temmuz-sonrasi-khk-ile-33-bin-kisi-ihrac-edildi/1591165>.

⁵¹ Eissenstat, “Uneasy Rests the Crown,” 4.

⁵² Ryan Gingeras, “Deep State of Crisis: Re-Assessing Risks to the Turkish State,” Bipartisan Policy Center, March 2017, <https://bipartisanpolicy.org/download/?file=/wp-content/uploads/2019/03/BPC-National-Security-Turkish-State.pdf>.

угроз внутри официальных силовых структур), Эрдоган также создал новые подразделения полиции и поддерживал неформальные силы преданных правительству сил вне армии и полиции, в противовес официальным службам безопасности.⁵³

В рамках стратегии «расширения», или уравнивания извне, правительство ПСР в 2017 году наняло тысячи охранников (Векси), предоставив им широкие полномочия, включая право останавливать и обыскивать граждан, носить огнестрельное оружие и применять силу при необходимости.⁵⁴ До их возрождения правительством ПСР районные охранники представляли собой вспомогательные военизированные подразделения, помогавшие полиции выполнять такие задачи, как патрулирование района в ночное время для предотвращения беспорядков и мелких преступлений. С принятием нового закона в 2017 году местным охранникам были предоставлены полномочия, аналогичные полномочиям полиции. Это вызвало опасения, что, выступая в качестве лояльной вооруженной силы, призванной уравновесить нелояльные силы безопасности, наделённые полномочиями местные охранники могут принимать участие в слежке и подавлении политических оппонентов под предлогом поддержания общественной безопасности и предотвращения преступлений.

«Расширяя поле деятельности», правительство ПСР также поощряло сеть неформальных структур безопасности, не входящих в официальный аппарат безопасности, включая частные военные компании, банды и молодежные организации партии⁵⁵ (см. Табл. 1).

Первый уровень этой проправительственной военизированной структуры состоит из частных охранных компаний.⁵⁶ Самая известная из них — SADAT (International Defense Consulting Construction Industry and Trade Inc.), частная военная консалтинговая фирма, основанная покойным Аднаном Танрыверди, который некогда был главным советником Эрдогана. Возможное участие SADAT во внутренних репрессиях привлекло к ней внимание общественности. Утверждалось, что SADAT стоит за военизированными группами «Эседуллах» («Лев Бога» на арабском), которые, как сообщается, действовали вместе с официальной армией и полицией во время городских столкновений в 2015 году после провала мирных переговоров между турец

⁵³ Eissenstat, “Uneasy Rests the Crown;” Serdar San, “Erdogan’s Private Police Force: A New Blow to Turkish Democracy,” *OpenDemocracy*, July 22, 2020, <https://www.opendemocracy.net/en/north-africa-west-asia/erdogans-private-police-force-a-new-blow-to-turkish-democracy/>; Cubukcu, “The Rise of Paramilitary Groups in Turkey.”

⁵⁴ San, “Erdogan’s Private Police Force.”

⁵⁵ Cubukcu, “The Rise of Paramilitary Groups in Turkey;” Eissenstat, “Uneasy Rests the Crown;” Sevinç Öztürk and Thomas Reilly, “Assessing Centralization: On Turkey’s Rising Personalist Regime,” *Southeast European and Black Sea Studies* 24, no. 1 (2024): 167-185, <https://doi.org/10.1080/14683857.2022.2137899>.

⁵⁶ Cubukcu, “The Rise of Paramilitary Groups in Turkey.”

Таблица 1. Представления Эрдогана и ПСР об угрозах и их реакция.

Период	2007-2011	2011-2013 Рас- следование кор- рупции	Расследование коррупции, 2013 – попытка пере- ворота, 2016	Попытка перево- рота (2016) –
Характер угрозы	Элита Военные	Народ Группы оппозиции	Элита и народ Полиция (гюлени- сты) и группы оппозиции	Элита Нелояльные кадры в полиции и армии
Реакция	Укрепление полиции	Милитаризация полиции	Целенаправленные перетасовки/ чистки в полиции Расширение пол- номочий Нацио- нальной разведы- вательской органи- зации (MIT) Законодательство: новый Закон о внутренней безопасности	Массовые чистки в полиции и армии Разделение сектора безопасности (но- вые подразделения полиции и неофи- циальные пропра- вительственные структуры безопасности

кими властями и повстанцами из РПК.⁵⁷ Также считается, что SADAT сыграла активную роль в подавлении попытки переворота в 2016 году.⁵⁸ Многочисленные турецкие и зарубежные СМИ со слов очевидцев сообщали, что члены вооружённых группировок, поддерживающих Партию справедливости и развития (ПСР), включая SADAT, убивали мирных жителей и линчевали заговорщиков в ночь неудавшейся попытки переворота.⁵⁹

Второй уровень составляют банды и мафиозные группировки.⁶⁰ Напри- мер, сообщалось, что некоторые члены правительства ПСР установили тес- ные связи с байкерской бандой «Osmanen Germania», «которую обвиняли в

⁵⁷ Ayhan Işık, “Pro-state Paramilitary Violence in Turkey since the 1990s,” *Southeast European and Black Sea Studies* 21, no. 2 (2021): 231-249, 244, <https://doi.org/10.1080/14683857.2021.1909285>.

⁵⁸ Öztürk and Reilly, “Assessing Centralization,” 179.

⁵⁹ Leela Jacinto, “Turkey’s Post-Coup Purge and Erdogan’s Private Army,” *Foreign Policy*, July 13, 2017, <https://foreignpolicy.com/2017/07/13/turkeys-post-coup-purge-and-erdogans-private-army-sadat-perincek-gulen/>; Michael Rubin, “Has Sadat Become Erdogan’s Revolutionary Guards?” American Enterprise Institute, May 30, 2017 <https://www.aei.org/foreign-and-defense-policy/middle-east/has-sadat-become-erdogans-revolutionary-guards/>.

⁶⁰ Cubukcu, “The Rise of Paramilitary Groups in Turkey.”

шпионаже и угрозах турецким эмигрантам в Германии».⁶¹ Кроме того, глава ультраправой турецкой мафии Седат Пекер, убеждённый сторонник Эрдогана, публично угрожал преследованием политическим оппонентам и не раз заявлял о своей поддержке. По мнению Чубукчу, подобные преступные группировки служат сдерживающим фактором для политических оппонентов и других предполагаемых врагов как в Турции, так и в турецкой диаспоре.⁶²

Третий уровень этой структуры неформального принуждения – неофициальные молодежные организации партии и отряды самообороны, такие, как «Османские очаги» (*Osmanli Ocaklari*).⁶³ «Османские очаги» были основаны в 2009 году для привлечения в ПСР турецкой молодёжи. Члены «Османских очагов» открыто заявляли о преданности президенту и готовности «защищать Эрдогана и его режим от любого самосуда и мятежей».⁶⁴ Также сообщалось, что члены группировки участвовали в нападениях на офисы оппозиционных партий и журналистов, появлялись на митингах ПСР, чтобы продемонстрировать партии свою поддержку, и помогали запугивать несогласных во время антиправительственных протестов.⁶⁵ Например, члены «Османских очагов» митинговали в поддержку Эрдогана и следили за протестами во время президентских выборов 2014 года и конституционного референдума 2017 года.⁶⁶

Заключение

В данном исследовании рассмотрена реорганизация институтов принуждения в Турции в период её скатывания к конкурентному авторитаризму. Основываясь на анализе переоценки правительством Эрдогана источников угроз своему существованию и ответных действий, очевидно, что изменение восприятия угроз авторитарными правителями может привести к рез-

⁶¹ Nate Schenkkan, Isabel Linzer, "Out of Sight, Not Out of Reach: The Global Scale and Scope of Transnational Repression," Freedom House, February 2021, 39, https://freedomhouse.org/sites/default/files/2021-02/Complete_FH_Transnational_RepressionReport2021_rev020221.pdf; Chase Winter, "Turkish AKP MP Linked to Osmanen Germania Gang in Germany," *Deutsche Welle*, December 14, 2017, <https://www.dw.com/en/turkish-akp-politician-linked-to-osmanen-germania-boxing-gang-in-germany/a-41789389>.

⁶² Cubukcu, "The Rise of Paramilitary Groups in Turkey."

⁶³ Cubukcu, "The Rise of Paramilitary Groups in Turkey."

⁶⁴ Cubukcu, "The Rise of Paramilitary Groups in Turkey."

⁶⁵ Emre Kizilkaya, "'Ottoman Hearths' Accused in Attacks Targeting Parties, Media," *Hurriyet Daily News*, September 11, 2015, <https://www.hurriyettailynews.com/opinion/emre-kizilkaya/ottoman-hearths-accused-in-attacks-targeting-parties-media-88379>; Suraj Sharma, "Turkey's Ottoman Hearths: Menacing or Benign?" *Middle East Eye*, September 6, 2017, <https://www.middleeasteye.net/news/turkeys-ottoman-hearths-menacing-or-benign>.

⁶⁶ Cubukcu, "The Rise of Paramilitary Groups in Turkey."

ким изменениям в организации и применении принуждения для выживания режима.

Этот вывод показывает, что концептуализация авторитарных режимов как постоянно зависящих от принуждения игнорирует критический элемент вариативности в их управлении: разные способы построения аппарата принуждения и применения насилия и репрессий для удержания власти. Хотя в существующей литературе признаётся, что институты принуждения в авторитарных режимах участвуют в политических репрессиях для сохранения власти лидера, мало исследований посвящено изучению конкретных проявлений аппарата принуждения при таких режимах. Такая ограниченность исследований мешает понять, почему существуют различия в структуре институтов принуждения, и почему разные страны могут использовать разные организационные модели.

Эти выводы также согласуются с предыдущими исследованиями, в которых было показано, что авторитарные правители организуют принуждение либо для подавления вызовов со стороны внутренних оппозиционных групп, либо для защиты от возможных угроз в аппарате безопасности и разведки. Однако уникальность турецкого примера состоит в том, что, хотя в литературе утверждается, что авторитарные лидеры должны выбирать между защитой от угроз со стороны населения или элиты — или что они сталкиваются с «дилеммой принуждения», которая вынуждает их строить свой аппарат принуждения, исходя из главной вероятной угрозы на момент их прихода к власти — в период между расследованием коррупции в декабре 2013 года и попыткой переворота в июле 2016 года Эрдоган, похоже, не отдавал приоритет одной угрозе перед другой. Как отмечено выше, это видно по принятым им мерам развития аппарата безопасности для противодействия обоим видам угроз. Этот вывод означает, что авторитарным правителям не обязательно выбирать между двумя угрозами при разработке аппарата принуждения, и они могут организовать эти институты так, чтобы эффективно реагировать на обе угрозы одновременно.

Это исследование также дополняет существующие исследования «уравновешивания». Его результаты показывают, что правительство ПСР в первые годы пребывания у власти усиливало полицию в противовес кемалистской армии, а переоценка режимом Эрдогана источников угрозы своему существованию и его реакция на изменившуюся оценку после расследований коррупции в 2013 году и попытки переворота в 2016 году демонстрируют применение обоих типов тактики уравновешивания (то есть «разделяй и властвуй» и расширения).

Примечание

Мнения, выводы, заключения и рекомендации в данной публикации принадлежат автору и могут не отражать официальную политику или позицию Консорциума «Партнёрство ради мира», организаций-участниц и любых

правительственных или международных организаций, связанных с его руководящими структурами.

Об авторе

Сердар Сан – доцент кафедры социологии и уголовного права A&M (аграрно-механического) университета Восточного Техаса.

Электронная почта: serdar.san@tamuc.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2460-5373>

- "Operation against Gülen Movement in Ankara with 'Heavy Automatic Weapons': 15 Detention Orders Issued," *Kronos*, September 29, 2020, <https://kronos38.news/ankarada-gulen-cemaatine-agir-otomatik-silahlarla-operasyon-15-gozalti-karari/>. – in Turkish
- "Turkey: Parliament Approves Domestic Security Package," *Middle East Eye*, March 27, 2015, <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-parliament-approves-domestic-security-package>.
- Atak, Kıvanç, "Encouraging Coercive Control: Militarisation and Classical Crowd Theory in Turkish Protest Policing," *Policing and Society* 27, no. 7 (2017): 693-711, <https://doi.org/10.1080/10439463.2015.1040796>.
- Bermeo, Nancy, "On Democratic Backsliding," *Journal of Democracy* 27, no. 1 (January 2016): 5-19, <https://doi.org/10.1353/jod.2016.0012>.
- Böhmelt, Tobias, and Ulrich Pilster, "The Impact of Institutional Coup-Proofing on Coup Attempts and Coup Outcomes," *International Interactions* 41, no. 1 (2015): 158-182, <https://doi.org/10.1080/03050629.2014.906411>.
- Boztepe, Muhammed, "Interior Minister Soylu: 33,000 People Were Dismissed by Statutory Decrees between December 17–25 and After July 15," *Anadolu Ajansı*, September 26, 2019, <https://www.aa.com.tr/tr/politika/icisleri-bakani-soylu-17-25-aralik-ve-15-temmuz-sonrasi-khk-ile-33-bin-kisi-ihrac-edildi/1591165>. – in Turkish
- Çalışkan, Koray, "Toward a New Political Regime in Turkey: From Competitive toward full Authoritarianism," *New Perspectives on Turkey* 58 (May 2018): 5-33, <https://doi.org/10.1017/npt.2018.10>.
- Castaldo, Antonino, "Populism and Competitive Authoritarianism in Turkey," *South-east European and Black Sea Studies* 18, no. 4 (2018): 467-487, <https://doi.org/10.1080/14683857.2018.1550948>.
- Çiçek, Hikmet, "The F-type Purge in the Police Continues at Full Speed," *Aydınlık*, March 7, 2014, <https://www.aydinlik.com.tr/koseyazisi/poliste-f-tipi-tasfiye-butun-hiziyla-suruyor-6614>. – in Turkish
- Cubukcu, Suat, "The Rise of Paramilitary Groups in Turkey," *Small Wars Journal*, March 3, 2018, <https://archive.smallwarsjournal.com/jrnl/art/rise-paramilitary-groups-turkey>.
- De Bruin, Erica, "Counterbalancing and Coups d'État," *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, November 19, 2020, <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.1871>.
- De Bruin, Erica, "Preventing Coups d'État: How Counterbalancing Works," *Journal of Conflict Resolution* 62, no. 7 (August 2018): 1433-1458, <https://doi.org/10.1177/0022002717692652>.
- Eissenstat, Howard, "Uneasy Rests the Crown: Erdoğan and 'Revolutionary Security' in Turkey," *Snapshot*, Project on Middle East Democracy (POMED), December

- 2017, https://mideastdc.org/wp-content/uploads/2017/12/Eissenstat_171220_FINAL.pdf.
- Ekşi, Betül, "Masculinities of the State: The Prime Minister and the Police in Turkey," PhD diss. (Boston, MA: Northeastern University, December 2015), <http://hdl.handle.net/2047/D20199663>.
- Ekşi, Betül, "Police and Masculinities in Transition in Turkey: From Macho to Reformed to Militarized Policing," *Men and Masculinities* 22, no. 3 (August 2019): 491-515, <https://doi.org/10.1177/1097184X18768377>.
- Escribà-Folch, Abel, Tobias Böhmelt, and Ulrich Pilster, "Authoritarian Regimes and Civil-Military Relations: Explaining Counterbalancing in Autocracies," *Conflict Management and Peace Science* 37, no. 5 (September 2020): 559-579, <https://doi.org/10.1177/0738894219836285>.
- Esen, Berk, and Sebnem Gumuscu, "Rising Competitive Authoritarianism in Turkey," *Third World Quarterly* 37, no. 9 (2016): 1581-1606, <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1135732>.
- Esen, Berk, and Sebnem Gumuscu, "Turkey: How the Coup Failed," *Journal of Democracy* 28, no. 1 (January 2017): 59-73, <https://www.journalofdemocracy.org/articles/turkey-how-the-coup-failed/>.
- Esen, Berk, and Sebnem Gumuscu, "Why Did Turkish Democracy Collapse? A Political Economy Account of AKP's Authoritarianism," *Party Politics* 27, no. 6 (2021): 1075-1091, <https://doi.org/10.1177/1354068820923722>.
- Gingeras, Ryan, "Deep State of Crisis: Re-Assessing Risks to the Turkish State," Bipartisan Policy Center, March 2017, <https://bipartisanpolicy.org/download/?file=/wp-content/uploads/2019/03/BPC-National-Security-Turkish-State.pdf>.
- González, Yanilda María, *Authoritarian Police in Democracy: Contested Security in Latin America* (Cambridge University Press, October 2020), 13, <https://doi.org/10.1017/9781108907330>.
- Greitens, Sheena Chestnut, *Dictators and Their Secret Police: Coercive Institutions and State Violence* (Cambridge University Press, August 2016), <https://doi.org/10.1017/CBO9781316489031>.
- Işık, Ayhan, "Pro-state Paramilitary Violence in Turkey since the 1990s," *Southeast European and Black Sea Studies* 21, no. 2 (2021): 231-249, <https://doi.org/10.1080/14683857.2021.1909285>.
- Jacinto, Leela, "Turkey's Post-Coup Purge and Erdogan's Private Army," *Foreign Policy*, July 13, 2017, <https://foreignpolicy.com/2017/07/13/turkeys-post-coup-purge-and-erdogans-private-army-sadat-perincek-gulen/>.
- Kaygusuz, Özlem, "Authoritarian Neoliberalism and Regime Security in Turkey: Moving to an 'Exceptional State' under AKP," *South European Society and Politics* 23, no. 2 (2018): 281-302, <https://doi.org/10.1080/13608746.2018.1480332>.
- Kizilkaya, Emre, "'Ottoman Hearths' Accused in Attacks Targeting Parties, Media," *Hurriyet Daily News*, September 11, 2015, <https://www.hurriyetdailynews.com/>

- opinion/emre-kizilkaya/ottoman-hearths-accused-in-attacks-targeting-parties-media-88379.
- Kraska, Peter B., "Militaryization and Policing – Its Relevance to 21st Century Police," *Policing* 1, no. 4 (2007): 501-513, <https://doi.org/10.1093/police/pam065>.
- Levitsky, Steven, and Lucan A. Way, *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War* (Cambridge University Press, June 2012), <https://doi.org/10.1017/CBO9780511781353>.
- Martin, Heather, "Coup-Proofing and Beyond: The Regime-Survival Strategies of Hugo Chávez," *Latin American Policy* 8, no. 2 (December 2017): 249-262, <https://doi.org/10.1111/lamp.12130>.
- Nakai, Ryo, "The Democratic Backsliding Paradigm in Enlarged European Union Countries: In-Depth Analysis of V-Dem Indicators," *Frontiers in Political Science* 4 (2023): 9, <https://doi.org/10.3389/fpos.2022.966472>.
- Öztürk, Sevinç, and Thomas Reilly, "Assessing Centralization: On Turkey's Rising Personalist Regime," *Southeast European and Black Sea Studies* 24, no. 1 (2024): 167-185, <https://doi.org/10.1080/14683857.2022.2137899>.
- Piran, Leila, *Institutional Change in Turkey: The Impact of European Union Reforms on Human Rights and Policing* (Palgrave Macmillan, 2013), <https://link.springer.com/book/10.1057/9781137298102>.
- Policzer, Pablo, *The Rise and Fall of Repression in Chile* (University of Notre Dame Press, February 2009).
- Przeworski, Adam, *Crises of Democracy* (Cambridge University Press, September 2019), <https://doi.org/10.1017/9781108671019>.
- Rubin, Michael, "Has Sadat Become Erdogan's Revolutionary Guards?" American Enterprise Institute, May 30, 2017 <https://www.aei.org/foreign-and-defense-policy/middle-east/has-sadat-become-erdogans-revolutionary-guards/>.
- San, Serdar, "Erdogan's Private Police Force: A New Blow to Turkish Democracy," *OpenDemocracy*, July 22, 2020, <https://www.opendemocracy.net/en/north-africa-west-asia/erdogans-private-police-force-a-new-blow-to-turkish-democracy/>.
- San, Serdar, and Davut Akca, "How Turkey's Democratic Backsliding Compromises the International Dimension of Democratization," *Digest of Middle East Studies* 30, no. 1 (2021): 34-52, <https://doi.org/10.1111/dome.12223>.
- Schenkkan, Nate, and Isabel Linzer, "Out of Sight, Not Out of Reach: The Global Scale and Scope of Transnational Repression," Freedom House, February 2021, 39, https://freedomhouse.org/sites/default/files/2021-02/Complete_FH_TransnationalRepressionReport2021_rev020221.pdf.
- Sharma, Suraj, "Turkey's Ottoman Hearths: Menacing or Benign?" *Middle East Eye*, September 6, 2017, <https://www.middleeasteye.net/news/turkeys-ottoman-hearths-menacing-or-benign>.

- Taş, Hakkı, "Turkey – from Tutelary to Delegative Democracy," *Third World Quarterly* 36, no. 4 (2015): 776-791, <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1024450>.
- Tilly, Charles, *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1992* (Cambridge, MA: Blackwell, 1992).
- Winter, Chase, "Turkish AKP MP Linked to Osmanen Germania Gang in Germany," *Deutsche Welle*, December 14, 2017, <https://www.dw.com/en/turkish-akp-politician-linked-to-osmanen-germania-boxing-gang-in-germany/a-41789389>.
- Yazıcıoğlu, Yıldız, "The 'Intelligence State' Debate in Türkiye," *VOA Türkçe*, February 24, 2014, www.voaturkce.com/a/türkiyede-istihbarat-devleti-tartışması/1858320.html. – in Turkish
- Yılmaz, Zafer, "Turkey's Regime Transformation and Its Emerging Police State: The Judicialization of Politics, Everyday Emergency, and Marginalizing Citizenship," in *The Condition of Democracy: Vol. 2: Contesting Citizenship*, ed. Juergen Mackert, Hannah Wolf, and Bryan S. Turner (Routledge, 2021), 166-183.